

Состояние русской армии при Петре Великом

Устройство нашей армии к концу царствования Петра Великого, претерпев некоторые изменения, представляло уже стройную систему, отчетливо регламентированную.

Организация петровской армии была такова. Пехота по штатам, объявленным в 1711 г., состояла из двух гвардейских и 40 полевых армейских полков и пяти гренадерских. К этому штату в 1721 г. было прибавлено девять новых полков, составивших так называемый Низовый, или Персидский, корпус.

Полк делился на два батальона, батальон на четыре роты; в полку 40 штаб- и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 1120 строевых рядовых и 247 нестроевых. Состав роты: четыре офицера, десять унтер-офицеров и 150 рядовых. Первоначально нестроевые в полку составляли 17 % общей численности, но к концу царствования число нестроевых понизилось до 14 %.

Разницы в составе полка по мирному и военному времени не существовало.

Боевая сила полевой пехоты к концу царствования Петра Великого равнялась 54 560 бойцам; кроме того, Низовый корпус — в составе 12 400 человек.

Конница.

Конница была создана исключительно драгунского типа, способная к действиям на коне и к пешему бою.

По штату 1711 г. положено было содержать 33 полевых драгунских полка и один отдельный эскадрон, развернутый впоследствии также в полк (Кроншлотский), 30 полков было фузилерных и три гренадерских.

Драгунский полк состоял из десяти рот, причем две роты составляли эскадрон. Состав полка: 38 штаб- и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров и 920 рядовых; нестроевых 290 в полку. В каждой роте три офицера, восемь унтер-офицеров и 92 драгуна. Боевая сила полевой кавалерии 33тысячи человек. Штат мирного и военного времени одинаков.

Артиллерия.

Наибольшее разнообразие наблюдается в организации артиллерии. Прежде всего материальная часть отличается многочисленностью калибров орудий. Царь Петр стремился к уменьшению числа калибров и типов орудий. Основные калибры были следующие: 3-фунтовая полковая пушка; полевые пушки до 12 фунтов; осадные в 18 и 24 фунта; крепостные — разных калибров. Полковые пушки придавались по две на полк.

Полковые орудия конных полков представляют прототип нашей конной артиллерии. Царя Петра бесспорно следует признать творцом конной артиллерии, так как до него этого рода войск не существовало ни в одной армии.

Полевая артиллерия не имела штата. Артиллерийский корпус формировался каждый раз при намеченной операции.

В случае надобности формировались из осадных орудий особые осадные парки.

В 1712 г. устанавливается штат артиллерийского полка. В его состав вошли: одна бомбардирская и четыре канонирские роты; кроме того, инженерные войска: минерная рота, инженерная и понтонная команды. Таким образом, этот полк можно назвать артиллерийско-инженерным.

Артиллерия перевозилась на обывательских лошадях. Личный состав артиллерийского полка не был связан ни с материальной частью, ни с лошадьми и не представлял настоящей строевой части.

Гарнизонные войска.

Для несения внутренней службы и утверждения русской власти во вновь завоеванных провинциях Петр создал гарнизонные войска. На укомплектование гарнизонных войск поступали люди упраздненных частей старого строя и частью рекруты, не пригодные для службы в полевых войсках. К концу царствования Петра Великого у нас имелось 49 пехотных гарнизонных полков и четыре полка и два отдельных эскадрона драгун; всего 66 тысяч пехоты и 4 тысячи конницы. С 1716 г. гарнизонные войска начинают исполнять функции запасных войск, подготавливая рекрутов для полевых частей и посылая иногда команды из своего состава для укомплектования полевых полков.

Ландмилиция.

Для несения гарнизонной службы в мелких населенных пунктах, а также с целью обороны Украины от набегов татар была учреждена ландмилиция. Она заменила городские войска старого строя. В 1723 г. у нас было шесть конных полков ландмилиции, всего 6 тысяч человек.

Иррегулярные войска.

Окраинное население государства выставляло в помощь регулярной армии свои особые войска. Донские казаки — до 5 тысяч, малороссийские казаки — до 15 тысяч, слободские казаки — до 10 тысяч и калмыки — до 15 тысяч.

Общий состав сухопутной вооруженной силы в конце царствования Петра Великого достигал 220 тысяч, из них полевых войск около 100 тысяч.

Высшие тактические соединения.

В мирное время полки пехоты и конницы соединялись в дивизии или генеральства исключительно для удобства в административно-хозяйственном отношении. В военное время из полков заново формировались бригады, а бригады сводились в дивизии. Несколько дивизий составляли армию. Для исполнения отдельных боевых задач армия выделяла отряды, носившие названия: корволанта (Лесная), деташемента (Шереметев на Украине) и, наконец, корпус резерва.

Комплектование армии.

Первые полки регулярной русской армии были укомплектованы главным образом даточными людьми, собранными со всего тяглого населения. Начиная с 1705 г., армия пополняется рекрутскими наборами. Новой повинности подлежало население только центральных великороссийских губерний. В 1712 г. видна попытка установить территориальную систему комплектования; расписываются губернии по полкам, но эта система не привилась. На военную службу не принимались люди опороченные, увечные и слабоумные. Призывной возраст, постепенно повышаясь, достиг 30 лет. Служба продолжалась до инвалидности. Приемом на службу ведали губернаторы. Так как большую часть податного населения составляли крестьяне, то элемент, пополняющий армию, отличался однородностью, был вполне национален и благоприятен как в нравственном, так и в физическом отношении.

Воины Преображенского полка (1700–1725): гренадер, обер-офицеры, пикинер, барабанщик

Комплектование унтер-офицерами совершалось производством в это звание рядовых, отличавшихся знанием службы. При пожизненном сроке службы затруднений при выборе унтер-офицеров не встречалось. В 1712 г. было определено на службу в армию большое число подьячих из Сената и губернских канцелярий, «дабы могли быть в унтер-офицерах». В Москве же был сформирован из подьячих особый батальон.

Офицерский вопрос разрешался сложнее. От офицера Петр требовал основательных познаний строевого дела и высоких нравственных качеств. Огромный контингент офицеров составляли дворяне, прошедшие службу в рядах армии в звании нижних чинов и отличавшиеся знанием солдатского дела; такое знание давало право на офицерский чин и нижним чинам недворянского происхождения. Кроме того, приходилось привлекать на службу иностранцев, но последние при Петре Великом играли роль инструкторов. Производимый в офицеры подвергался предварительной баллотировке, в которой участвовали все офицеры полка; только лица, получившие отличное образование, освобождались от баллотировки.

Почти одновременно с возникновением у нас регулярной армии получают начало различные военные школы, подготовляющие офицеров. Первая школа возникла в 1700 г. при бомбардирской роте. В 1701 г. учреждается в новой столице инженерная школа, а два года спустя там же появляется особая школа при лабораторном доме, в которой получают подготовку офицеры-артиллеристы. Таким образом, первые возникшие у нас военные школы приспособлены были для подготовки офицеров в специальные рода войск и во флот.

Вместе с учреждением школ возникает у нас специальная военная литература. Сперва появляются учебники по математике, артиллерии и

фортификации. Вскоре появилось переведенное Минихом с французского языка лучшее руководство по артиллерии — «Записки Сен-Реми».

Офицеры производились в следующие чины по вакансии, причем кандидаты подвергались баллотировке: при производстве в обер-офицеры в баллотировке участвовали все офицеры полка; в штаб-офицеры — все штаб-офицеры дивизии.

Царь Петр оказывал высокое доверие офицерам своей армии и привлекал их к участию в управлении не только армией, но и государственной жизнью.

Довольствие войск.

При Петре Великом устанавливается новый способ довольствия армии. Все заботы по продовольствию принимает на себя правительство. Учреждаются продовольственные магазины, пополняемые подрядным способом. В конце царствования подрядный способ заменяется натуральной повинностью.

Расквартирование.

Возникшие при Петре Великом войсковые части располагались по обывательским квартирам в городах. Военский устав 1716 г. определял взаимоотношения между хозяевами и квартирующими войсками.

В 1724 г. войска переместились из городов в уезды, где приступили к постройке казарм. Однако преобладающим способом расквартирования долгое время оставался, как и прежде, постой по обывательским квартирам.

Реформа центрального управления.

Дореформенные «приказы» в царствование Петра Великого преобразованы были в военную коллегия. Последняя, однако, сформировалась лишь к концу царствования и начала действовать только с 1 января 1720 г. Первым президентом военной коллегии был светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Военной коллегии было предписано «ведать армию и гарнизоны и все военные дела, которые были веданы в военном приказе и которые прилучается во всем государстве». Однако военная коллегия не объединила под своим началом всю организацию управления армией. Совершенно независимым учреждением остался Комиссариат, ведавший всеми заготовлениями и снабжениями; в косвенном подчинении осталась Артиллерийская канцелярия, ведавшая материальной частью артиллерии.

Управление войсками в военное время.

Боевая обстановка, в которой оказалась с первых дней существования молодая петровская армия, сразу же указала Петру на важное значение единовластия в армии. После несчастной Нарвской операции, вскрывшей недостатки того, что главнокомандующий не обладал достаточными полномочиями, царь Петр устанавливает единовластие главнокомандующего. В воинском уставе 1716 г. были подробно и точно регламентированы обязанности главнокомандующего.

Руководство армией в военное время вверялось генерал-фельдмаршалу, который, обладая полной властью, подчинялся лишь царю и обязывался в особых случаях собирать военный совет. В последнем Петр видел совещательный орган.

Генерал-фельдмаршал мог иметь помощника — генерал-фельдмаршал-лейтенанта. Помощниками главнокомандующего являлись: генерал-фельдцейхмейстер, генерал от кавалерии и генерал от инфантерии, генерал-кригс-комиссар, генерал-квартирмейстер и другие чины.

При главнокомандующем формируется штаб армии. Чины квартирмейстерской части выполняли те работы, которые теперь возлагаются на офицеров генерального штаба.

Дисциплина в рядах петровской армии.

Воинские артикулы, составлявшие особую часть воинского устава, предусматривали суровые наказания за злостные воинские преступления. Телесные наказания и смертная казнь были обычными карами, налагаемыми судами на виновных в нарушении воинской дисциплины и долга. За маловажные проступки виновные подвергались дисциплинарным взысканиям, заключавшимся в лишении свободы и денежных штрафах. При этом соблюдалась известная постепенность в ужесточении наказания для провинившегося многократно. Следует отметить, что в петровской армии воспрещались телесные наказания за ошибки во время строевых учений.

Суровые меры для поддержания дисциплины в рядах армии, если принять во внимание грубость нравов и жестокость данной эпохи, не могли служить препятствием для воспитания доблести и воинского духа в рядах молодой русской армии.

Петр с первых же дней существования русской армии стремится установить близкие, сердечные отношения между начальниками и подчиненными. Офицерам царь вменяет в обязанность заботиться о нуждах солдат. Особенно внимательными к нуждам солдат должны быть их ближайшие руководители — младшие офицеры. Прапорщик обязан ходатайствовать о нижних чинах. Офицеры должны «во все дни посещать немощных» нижних чинов.

Безжалостно преследовал Петр всякие злоупотребления по службе. Не возбранялось обиженным нижним чинам обращаться с жалобами, но только через своего ротного командира и не коллективно.

Исключительная заботливость царя о русском солдате давала превосходный пример всему командному составу нашей армии. Между офицерами и нижними чинами, конечно не в ущерб дисциплине, устанавливались не формальные отношения, а близость почти родственная, семейная. Это обстоятельство весьма благотворно влияло на боевую спайку войсковых частей. Нравственное состояние нашей армии и ее дух были таковы, что в большой мере усиливали ее боевые качества.

Тактическая подготовка петровской армии.

Ко времени издания воинского устава в 1716 г. молодая петровская армия успела пройти настоящую боевую школу и усвоить наиболее рациональные приемы полевых действий войск, опередив во многом образцовые армии западноевропейских государств. Устав 1716 г. регламентировал те приемы, которые практически усвоены были войсками в период долгой и упорной борьбы. Сущность указаний воинского устава заключалась в следующем.

Общие распоряжения по проведению разведок, походных движений и охранению высылались иногда вперед на значительное расстояние — до 150 верст. Разведывательные отряды должны были «все дороги и пасы осмотреть». Таким образом, объектом разведки являлись и местность, и противник.

Походные порядки, в зависимости от удаления противника, делились на два вида: 1) вдали от неприятеля и 2) вблизи неприятеля. При движении вблизи врага на первый план выступала боевая готовность войск. Авангард превращался в сильный отряд с половиной всей конницы и легкой артиллерией. За авангардом следует пехота, за ней артиллерия и обозы; остальная конница составляла арьергард. Части двигались широким фронтом, обыкновенно развернутыми ротами, поэтому мобильность войск была мала.

При движении по гористой и лесистой местности места, важные в тактическом отношении, должны были захватываться предварительно авангардом или спешенной конницей.

При отступательных переправах сначала отступала конница, за ней артиллерия, последней же пехота под прикрытием огня переправившейся уже артиллерии.

Фланговые марши совершались в нескольких колоннах, причем колоннам придавалась артиллерия.

Отдых.

Вблизи противника войска на отдых располагались лагерем (биваком); в остальных случаях — предпочтительно на квартирах. Если противник был недалеко, лагерь обносился ретраншементом.

Особое внимание обращалось на возможно быстрое сосредоточение войск.

Сторожевая служба.

В зависимости от свойств местности для несения сторожевой службы назначалась пехота или конница. Кавалерия выдвигалась дальше к противнику.

В наиболее опасных местах вокруг лагеря выставлялись отводные караулы. Они выставляли цепь парных часовых с поддержками, караулы были большие и малые. Караулы должны были видеть соседние караулы. Каждому караулу и посту указывалось сборное место. Ночью число постов увеличивалось. Сквозь линию постов никого не пропускали. Всем нижним чинам сообщалось секретное слово — лозунг; офицерам, кроме того — пароль. Проверка тщательности несения сторожевой службы производилась рундами.

Боевые действия.

Отдавая дань господствующим в то время идеям в области военного дела, Петр принял для русской армии линейный боевой порядок, в две линии, но вносил в него, в зависимости от обстановки, весьма существенные поправки и в нужных случаях видоизменял этот боевой порядок настолько, что он по свойствам своим приближался к глубокому порядку. Так, в 1706 г. царь указывал Брюсу «становить в бою по ордеру баталии; буде же кому места не будет с левой руки, становись с правой, позади один другого во столько линий, сколько ширина позволит». В первый период боя при Лесной в ожидании конницы Боура Петр строит войска в одну линию.

Артиллерия в боевом порядке не имела строго определенного места, а занимала возвышенные места, удобные для действий ее.

В Полтавском сражении во второй линии ставятся вторые батальоны полков, а в первой линии — первые батальоны тех же полков; этим нарушены были принципы линейной тактики, но осуществлялся принцип взаимной выручки

«своими» на поле сражения. В инструкции, преподанной царем армии в 1713 г., перед Фридрихштадтским боем, говорится: «накрепко смотреть, чтоб друг другу секундовать... и когда неприятель пойдет на одно крыло, то другому крылу неприятеля с тылу и во фланг атаковать». В первые годы Северной войны конница в бою строилась на флангах пехоты в колоннах. В 1713 г. Петр вводит построение головных эскадронов в развернутом строю, чем достигалась большая боевая готовность конницы и возможность развить большую стремительность при атаке.

Крупнейшей поправкой к линейному боевому порядку является резерв, часто вводимый Петром Великим в бой. Военский устав требовал, чтобы резерв прикрывал крылья артиллерии и для «сикурса, где неприятельскому нападению наивящебыти чают». В Полтавском сражении мы видим кроме частного резерва, каким является вторая линия боевого порядка, еще и общий резерв — батальоны, оставленные в ретраншементе.

Обращает на себя внимание то, что Петр требует от начальников занимать такое место во время боя, чтобы сохранить возможность управления войсками, но «когда необходимая нужда того требует», предписывает начальникам служить примером доблести для войск.

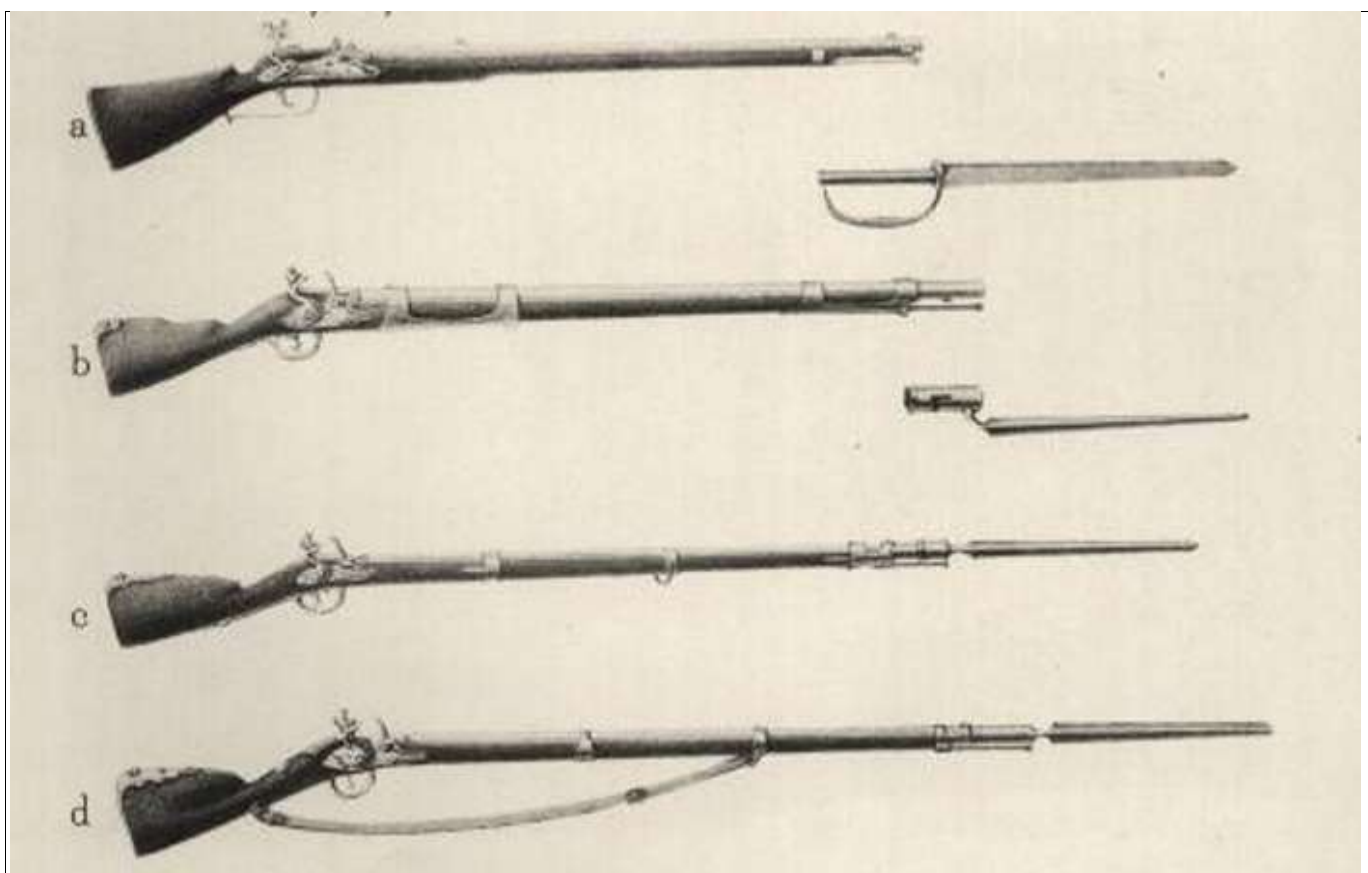
Взгляд Петра на боевой порядок отличается удивительной правильностью и широтой. По его мнению, высказанному три века тому назад, расположение войск в бою *«зависит от осторожности, искусства и храбрости генерала, которому положение земли, силу неприятеля и обыкновение оного знать и потому свое дело управлять надлежит».*

Первое русское регулярное оружие: как Пётр Великий добавил армии огня

Создавая новую армию, будущий император России задумал вооружить ее по-новому

Эпоха петровских свершений среди множества иных важных новшеств дала России новую армию, довольно быстро ставшую одной из самых сильных в Европе. Такой результат был невозможен без применения новой для русских войск тактики ведения боевых действий, которая требовала и нового оружия. Поскольку основным родом войск в то время оставалась пехота, то и новые образцы вооружения — легкие, дальнобойные и скорострельные — требовались в первую очередь именно ей. Так русская армия и получила петровские фузеи — гладкоствольные ружья, на век с лишним ставшие главным оружием русской армии.

Фузеи пехотных полков петровской армии в разные годы: а) 1701 года; б) 1710 года; в) 1717 года; г) 1723 года

Откуда есть пошла фузея

Нельзя сказать, что до [Петра Великого](#) в России не знали, что такое фузея. Ружья с ударно-кремневыми замками начали широко распространяться в Европе в начале XVII века. Довольно скоро они добрались и до русского царства, скорее всего, с войсками Речи Посполитой, и потому вместе с новым типом оружия было заимствовано его польское название – fuzja, восходящее к французскому слову «fusil», то есть «ружьё». Более легкое и удобное, чем мушкет, это оружие гораздо лучше подходило для масштабного перевооружения армии, которое было затеяно Петром I. Так что первые русские фузеи появились еще до начала [Северной войны](#). В 1695 году в Туле выпустили партию в 1000 стволов этого типа оружия, правда, еще с импортными, шведскими замками: разработка собственных ударно-кремневых замков в России к тому времени не была закончена.

Но такие масштабы производства не могли удовлетворить русскую армию, готовившуюся воевать, а вскоре и вступившую в свою первую крупную войну XVIII столетия. Армия нуждалась в десятках и сотнях тысяч фузей. Поэтому в первое время почти половина штатного армейского вооружения, поступавшая в Оружейную палату, была импортной: купцы везли из-за границы как уже готовые фузеи, так и отдельные стволы к ним и даже отдельные замки. Все это никак не помогало решить главную задачу: обеспечить армию единообразным вооружением, наличие которого существенно облегчало снабжение. Разнобой в системах оружия и даже его калибрах приводил к тому, что отливкой пуль для своих ружей многим солдатам приходилось заниматься самостоятельно. Для оружия одного типа и калибра эту работу можно было сосредоточить в полковых мастерских, и это обеспечило бы войска гораздо большим запасом боеприпасов.

Фузелеры пехотных полков, с 1700 по 1720 год. Рисунок из монографии Александра Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению», 1841-1862 гг.

Единой армии — единый калибр

На решение этой проблемы ушло полтора десятилетия. Скажем, разброс калибров солдатских фузеек образца 1707 года достигал двух миллиметров, разброс длины — порядка 20 сантиметров, а вес различался в пределах двух килограммов! Чтобы хоть как-то унифицировать вооружение, приходилось специально сортировать фузеи по калибру и длине, собирая ротные партии: в масштабах одной роты можно было обеспечить отливку пуль одного калибра. Так что даже в ходе [Полтавского сражения](#) русской армии пришлось воевать пусть достаточно единообразным по типу, но весьма разнообразным по калибру ручным огнестрельным оружием. Впрочем, эта чересполосица калибров и устройств оружия тоже сыграла свою роль: в итоге на основе опыта боевого применения удалось выработать требования и характеристики фузеи, ставшей наконец единым типом оружия русской пехоты и конницы XVIII века.

Окончательно фузеи единого образца были введены в русской армии указом Петра I от 24 мая 1715 года. Согласно этому документу, калибр оружия устанавливался в 19,8 мм, или 0,78 дюйма, а средний вес — в пределах пяти с небольшими килограммов. Стандартизировать этот показатель так и не удалось: он сильно зависел от того, какое дерево использовалось для изготовления фузейного ложа. Например, ложа из вяза делала фузею самой легкой, меньше пяти килограммов, а с ложем из ясеня она весила почти шесть. Но единый калибр был гораздо важнее одинакового веса, и потому на оружейных заводах, прежде всего в Туле, ввели эталонные цилиндры, с помощью которых измеряли диаметр канала ствола. Под единый калибр стало возможно ввести и единые требования к боеприпасам. Вес порохового заряда для одного выстрела теперь составлял 12,8 г, а вес круглой пули — 33 грамма.

Фузелер Лейб-Гвардии Преображенского полка, с 1700 по 1720 год. Вид изображает часть города и крепости Нарвы, покоренной российскими войсками в 1704 году. Рисунок из монографии Александра Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению», 1841-1862 гг.

Ружья для пехоты и кавалерии.

Едиными с 1715 года стали и габаритные размеры фузей, хотя они и зависели от того, каким подразделениям предназначалось оружие. Самыми длинными были пехотные фузеи: ствол — 1016 мм, общая длина — 1422 мм. Причем это была длина без учета штыка, который добавлял фузее еще около сорока сантиметров. К этому времени в русской армии уже отказались от багинетов — клинков, которые вставлялись непосредственно в ствол, как на первых образцах петровских фузей. Теперь это были именно штыки, плоские или трехгранные, надевавшиеся на переднюю часть ствола с помощью специальной трубки и не мешавшие вести огонь. Драгунские фузеи, предназначенные для вооружения кавалерии, способной воевать как в конном, так и в пешем строю, штыков не имели, зато получили погонную скобу для крепления на перевязи во время скачки. Кроме того, они были короче и легче пехотных: длина ствола — меньше метра, вес — в пределах 4,5 кг, но калибр оставался таким же — 19,8 мм.

Система заряжания как у пехотных, так и у кавалерийских фузей всех типов была одинаковой. Чтобы подготовиться к выстрелу, солдат должен был взять в своей сумке бумажный патрон с порохом и пулей, надкусить уголок и высыпать немного пороха на зарядную полку, которая затем закрывалась крышкой-огнивом. Остальной порох вместе с бумагой отправлялся в ствол, туда же опускалась и пуля, и все это утрамбовывалось шомполом. После этого стрелок прижимал приклад к плечу и нажимал на спусковой крючок, курок опускался, кремь сдвигал огниво, открывая запальную полку и поджигая порох на ней, после чего огонь по запальному каналу проникал в ствол — и через 2-3 секунды происходил выстрел. Процесс получался небыстрым: опытный солдат мог сделать от трех до шести выстрелов в минуту, но средняя скорострельность не превышала одного выстрела в минуту. Каждому пехотинцу полагалось по 50 пулевых зарядов и еще по 20 зарядов с картечью, вес которой был равен весу пули, а драгунам — по 40 зарядов.

Фузелер Драгунского полка, с 1700 по 1720 год. Рисунок из монографии Александра Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению», 1841-1862 гг.

Офицерская самодеятельность

Введение единого калибра существенно упростило обеспечение армии боеприпасами, но не привело к полной унификации ручного огнестрельного оружия. Скажем, пехотные фузеи все равно различались в зависимости от того, какое именно подразделение вооружалось ими. [Гвардия](#) получала чуть более длинные ружья, поскольку и сами гвардейцы отличались более высоким ростом, появившиеся в русской армии во второй половине XVIII века невысокие и подвижные егеря снабжались более короткими – всего 132 сантиметра. А в 1716 году на [Тульском заводе](#) были выпущены 56 «фузей на великанов», которыми вооружили отряд русских солдат, отправленных Петром I на службу к прусскому королю Вильгельму I. Рост каждого из этих гвардейцев был не ниже 213 сантиметров, и фузеи для них изготовили соответствующие, длиной 1845 мм и весом 6,8 кг.

Если солдатское вооружение со временем удалось стандартизировать, то офицерское еще долгое время оставалось личным делом каждого офицера. Хотя они делались по условно единому образцу, даже калибр у этих фузей мог быть разным — от 11 до 17,3 мм, не говоря уже о длине, которая колебалась в пределах двадцати сантиметров. Еще более разнообразной была отделка офицерских ружей, которые получали ложи из ценных пород дерева, стволы и замки с резным орнаментом и даже позолотой и ружейные ремни с золотым галуном. И лишь к последней трети XVIII века офицерские фузеи, которые сохранились только в пехоте, пришли к единому образцу: они получили меньший калибр и стали короче солдатских, а также более легкими.

Фузея, шпага, шарф, знак и подсумок офицеров пехотного полка, с 1756 до 1762 года. Рисунок из монографии Александра Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению», 1841-1862 гг.

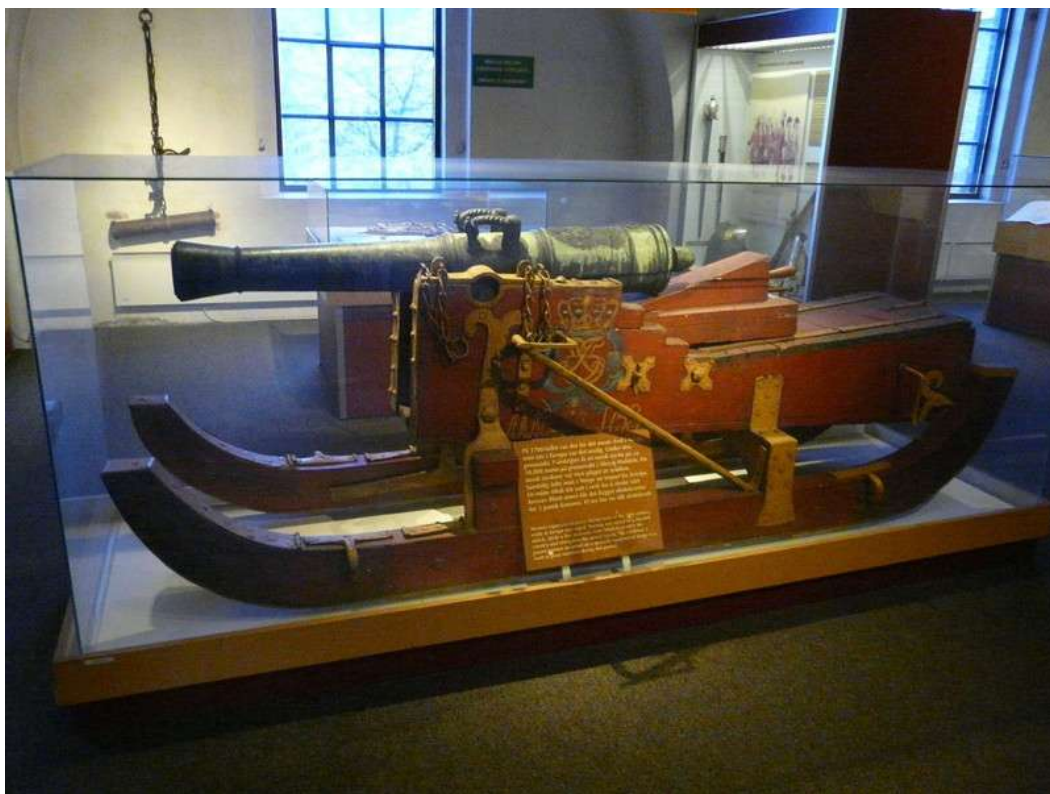
По мере развития оружейного дела в России фузеи, оставаясь главным оружием пехоты и кавалерии, постепенно трансформировались. Усовершенствовались замки, которые постепенно стали делать из меди, лучше сопротивлявшейся коррозии. Изменилась система крепления ствола к ложу: вместо не слишком надежных шпилек стали использовать ложевые кольца, которые достанутся в наследство знаменитой русской винтовке-трехлинейке. Со временем исчезла принципиальная разница между обычными и гвардейскими фузеями, хотя кавалерийские ружья по-прежнему были короче и легче пехотных. А к концу XVIII века и само слово «фузея» постепенно вышло из употребления. Во всех официальных документах их стали именовать русским словом «ружье», которое и до сих пор означает

длинноствольное огнестрельное оружие с гладким стволом. Фузеи же с тех пор стали прочно ассоциироваться с эпохой Петра I, который впервые в русской истории ввел в армии регулярное оружие.

Полковая артиллерия

Полковой артиллерией русской армии в преддверии Северной войны заведовал Пушкарский приказ. В его распоряжении на Пушечном дворе в Москве находилось: 46 «пищалей на волоковых» станках, калибром от одного до четырёх фунтов; 38 пищалей «на станках с вертлюгами», калибром от двух до шести фунтов; 80 новых 3-фунтовых пищалей «литья 207-го года» (т. е. 1699) на волоковых станках; было несколько весьма экзотических орудий: 2 дробовика и 6 трофейных турецких пищалей двух- и трёхфунтового калибра. В это время происходило начатое по инициативе Петра I перевооружение полковой артиллерии в соответствии с принятыми им новыми стандартами. Юный царь решил полностью отказаться от наследия отца Алексея Михайловича, т. е. от прежних 2-фунтовых русских полковых пищалей, и перейти к единому новому образцу 3-фунтовой европейской пушки. На такой его выбор повлияло, очевидно, помимо прочего, и то, что к этому времени в Россию были доставлены, наконец, подаренные ещё Карлом XI 300 орудий, половина которых были 3-фунтовые пушки, а остальные — 2 1/2-фунтовые), а также и ещё 388 орудий, купленных в Швеции, 100 из них были «лёгкими», т. е. полковых калибров.

Сотни старых полковых пищалей сосредоточили на южных рубежах государства, а для перевооружения полевой армии накануне войны со Швецией начали изготавливать по единому стандарту новые 3-фунтовые полковые пушки. В феврале 1699 года царём велено Пушкарскому приказу вылить «100 пищалей полковых ядро по 3 фунта, длиною по 2 аршина», и в том же году в августе Пушечный двор в Москве получил ещё один аналогичный заказ. Всего же в 1699–1700 гг. правительством было заказано 340 новых полковых пушек (а всего 441 орудие, из них 100 — мортиры). Но до начала Северной войны успели изготовить только четвертую часть требуемого количества, т. к. работы осложнились из-за

пожара в Пушечном дворе 26–27 июля 1699 года, от которого он очень сильно пострадал, были уничтожены основные его здания. Новые 3-фунтовые полковые пушки, с которыми и пошли в 1700 г. "новоприборные" - вновь сформированные полки русской армии в поход под Нарву, были, вероятно, все отечественного производства, только лафеты для них сделали по западноевропейским образцам. Все эти новые полковые пушки были потеряны после разгрома русской армии. Из почти двухсот (195, или 177, или 145 — в источниках приводятся разные цифры) русских орудий, взятых шведской армией Карла XII под Нарвой, новых полковых 3-фунтовых пушек оказалось по крайней мере больше пятидесяти. (Великанов (там же, с.81) приводит данные из шведского отчёта о трофейной артиллерии, согласно которому под Нарвой было взято 79 полковых пушек и пищалей, из них 64 были «однотипные» 3-фунтовые пушки, а остальные самых разнообразных калибров. Потери восполнялись литьём новых орудий. Ввиду угрозы вторжения шведской армии Карла XII в Россию их требовалось изготовить «много и сразу». После пленения под Нарвой генерал-фельдцейхмейстера русской артиллерии царевича Александра Арчиловича (Имеретинского) Пётр негласно поручил возглавить артиллерийское ведомство думному дьяку Виниусу А.А., который считался большим специалистом по литейному делу. В 1701 г. Пушкарский приказ переименовывается в Приказ артиллерии, а Виниус получает титул «надзирателя артиллерии». Благодаря его стараниям уже в 1701 г. было отлито до 300 новых орудий, но, скорее всего, эти цифры, приводимые Виниусом, следует считать несколько преувеличенными. По сведениям же будущего генерал-фельдцейхмейстера русской армии Я. Брюса, поданным значительно позднее, в 1721 г., всего за 1701 год было произведено 268 орудий, из них 109 (или 110, как писал Брюс) 3-фунтовых пушек, причём в число последних входили и полевые, отличавшиеся большим весом и длинной ствола

Для Брюса, управлявшего с 1704 г. всей артиллерийской частью, все эти Корчминские новшества оказались полной неожиданностью. Находясь в действующей армии, он ничего не знал о планах царского любимца и просил прислать ему чертежи разработанных Корчминым орудий хотя бы для ознакомления. В начале января 1706 г. Василий Корчмин представил в Приказ артиллерии чертёж 6-фунтовой мортирки, а копию отправили Брюсу. Однако получил её начальник артиллерии только 1 апреля, во время отступления от Гродно по дороге к Киеву. Конструкция мортирки оказалась вполне удачной, а главное её отличие от других систем — коническая зарядная камера, обеспечивала более плотное прилегание снаряда (6-фунтовой гранаты) к стенкам канала ствола в момент воспламенения порохового заряда, что увеличивало дальность и повышало точность стрельбы. Тогда же Брюс выяснил, что к 1 февраля в Москве уже отлили по новым чертежам 100 мортирок и 26 трёхфунтовых пушек и «почели оттирать прибыли и ставить на сверло», а также начали к ним делать станки и колёса оковывать. К началу марта 1706 г. были окончательно отделаны 30 новых 3-фунтовых пушек с двумя 6-фунтовыми мортирками и вскоре разосланы в войска на испытания. В мае 1706 г. из Москвы в Смоленск отправили 20 пушек, каждая с двумя железными мортирками на общем лафете и 20 медных 6-фунтовых мортирок, установленных

попарно на одном лафете. Тогда же и ещё 10 пушек с 20 «железными коваными мортирками» снарядили в Санкт-Петербург. По итогам испытаний новые артиллерийские системы были признаны вполне пригодными для перевооружения пехотных полков. За исключением, быть может только сдвоенных на одном лафете медных мортирок, т.к. широкого распространения в войсках этот тип артиллерийского вооружения не получил, известно что, например, в 1709-м году все эти «20 мартирцов медных по два на стану» продолжали в течение всего года находиться в Смоленске. Н. П. Павлов, дьяк Приказа артиллерии, сообщал Брюсу о характеристиках орудий Корчмина: «В пушках, которые при мортирках... весу по 9 пуд, и по 10 пуд, и по 13 пуд, и по 17 пуд». Возможно, Корчмин тогда ещё не определился окончательно с параметрами орудий своей конструкции и разработал несколько вариантов, но, бесспорно, его пушки были существенно облегчены по сравнению с теми короткоствольными 3-фунтовыми полковыми орудиями, которые отливались в 1700–1703 гг. и весили 19–20 пудов и более. Даже если учесть, что в итоге из всех вариантов был утверждён образец весом 17 пудов, что считается общепризнанным в военно-исторической литературе, то и в таком случае Корчминская 3-фунтовая пушка была значительно легче предыдущих систем.

Ф. Ю. Ромодановский, в 1706 г. замещавший Брюса в Москве в руководстве Приказом артиллерии, получил повеление изготовить сразу 150 новых 3-фунтовых пушек системы Корчмина для перевооружения всей полковой артиллерии русской армии. Но выяснилось, что в Приказе нет запасов красной меди, необходимой в качестве добавки к колокольной меди для получения требуемого качества металла, и нет средств на её закупку. Некоторое количество удалось собрать у частных купцов путём грабительской реквизиции, но меди хватило только для отливки первой пробной партии орудий. В августе 1706 г. в Приказ артиллерии пришло распоряжение Брюса об изготовлении новой партии этих орудий — заказ был на 51 штуку. К концу октября были готовы 50. Лафеты для них предполагались «нового маниру», но обычного хоботовогодвухстанинного типа с четырьмя колёсами «передними и задними», т. е. с двухколёсным передком. Об этом свидетельствует переписка Брюса, который дал указание Пушечному двору приступать к изготовлению лафетов для всей партии новых орудий только после прибытия в Москву двух образцов лафетов и колёс. Однако отправка «образцовых станков» затягивалась, они запаздывали т.к. были высланы из Киева лишь 6 сентября, но уже 6 ноября Брюс прислал новое указание – «обождать делать лафеты» пока не будут проведены опытные стрельбы из «новоманирной» пушки, установленной на «новодельном станке». А в самом конце года он и вовсе отменил свои предыдущие распоряжения, приказав делать к пушкам лафеты «против прежнего образца». Известно, что в это же время по указу Петра от 2 июля и в самом Киеве также было организовано производство полковых орудий. В период 1706–1707 гг. мастер Киево-Печерской лавры Златковский должен был отлить 50 пушек 3-фунтового калибра. Станки и колёса к ним следовало изготовить по «киевскому» образцу, а для их оковки были направлены из Москвы мастера и железо. Однако Златковский сумел выдать всего 34 пушки, так как в конце 1707 г. все усилия направлялись на укрепление построенной Киево-Печерской фортеции и вооружение её бастионов

крепостной артиллерией. Пётр торопил Брюса с изготовлением полевых орудий и отправкой их к армии, поскольку необходимо было срочно восполнить потери, понесённые при отступлении из Гродно, и усилить артиллерию в ожидании активизации действий Карла XII и возможного вторжения шведов в Россию. Такой вариант развития событий был вполне реален после измены саксонского курфюрста Августа II Сильного, который отказался от польской короны и заключил мир с Карлом. Приходилось спешить и мириться со многими недоработками. Так, Брюс приказал немедленно отправлять из Москвы все готовые лафеты, даже если на них ещё не были установлены мортирки, считая, что всё можно доделать позже на месте. Не хватало и железа для оковки лафетов. И всё-таки лафеты были изготовлены по образцу, присланному из Киева, хотя впоследствии Брюс долго вёл переписку, прямо высказывая мнение, что эти лафеты не выдержат продолжительной стрельбы. Помимо прочего, он говорил ещё об одном недостатке, из мортирок установленных на этих лафетах было просто опасно стрелять, т.к. при пороховом заряде весом свыше двух лотов «вертлюги отвалютца». Указание на вертлюги говорит о том, что мортирки монтировались на станке совсем не по той схеме, какую принято изображать в современной литературе. Они, скорее всего, были закреплены на станинах или боевой оси, наподобие морских фальконетов, или как вёсла в уключинах. В начале 1707-го года капитан артиллерии В.Д.Корчмин передал в Москве князю Ф.Ю.Ромодановскому устное распоряжение Петра и чертежи, согласно которым отныне следовало изготавливать орудийные колёса к 24-х, 18-ти, 12-ти, 8-ми, 6-ти и 3-х фунтовым пушкам. По словам Я.В.Брюса указ Петра гласил: «чтоб колёса под те станки делать самым добрым мастерством против шведского образца». Для изготавливаемых на Московском пушечном дворе новых 3-х фунтовых пушек колёса начали делать уже по шведскому образцу. В 1707 г., по-видимому ещё зимой, из Москвы вышел обоз с 50-ю новыми 3-фунтовыми пушками. Его прибытие к армии в г. Острог ожидали в апреле. Брюс предполагал принять доставленные орудия в полевую артиллерию, а из неё исключить и отправить в Киев, в гарнизонную артиллерию, такое же число аналогичных старых орудий, при необходимости восполняя нужное количество отобранными от полков пушками. Однако Пётр I решил заменить этими орудиями полковую артиллерию во всех полках русской армии, находившихся в походе. К середине мая этот процесс в пехоте был завершён. Задержка случилась только с полком князя Долгорукова, который по непонятной причине вовремя не прислал в Острог свои пушки. Таким образом, за два года до кульминационного момента всей Северной войны — Полтавской битвы — Пётр почти полностью, по крайней мере, в пехотных полках, сменил полковую артиллерию, на новые, более совершенные, как ему казалось, системы. Конечно, можно предположить, что за оставшееся до Полтавы время Пётр при своём неуёмном характере мог ещё не раз вносить изменения в системы полковой артиллерии, но они, на наш взгляд, не могли быть столь глобальными, как полная перемена материальной части в 1707-м году. В условиях начавшего в 1708 г. вторжения в Россию шведской армии во главе с Карлом XII Петру явно было не до масштабных реформ и экспериментов, а значит, полковая артиллерия образца 1705–1707 гг. (короткие стволы Корчмина и хоботовые двухстанинные лафеты с передними и задними колёсами) в основном должна была сохраниться. 0 0 0 Одно

заметное изменение материальной части всё же должно было произойти, с лафетов части новых полковых пушек сняли или вовсе не монтировали 6-фунтовые железные мортирки, оставив только 3-фунтовый ствол. Об этом можно судить хотя бы по тому, что ещё весной 1708-го и даже 1709-го года в войска продолжали поступать новые полковые орудия – 3-х фунтовые пушки без мортирок. Правда, известно, что 25-го марта 1708-го года Брюс отправил фельдмаршалу Б.П.Шереметеву в его шефский пехотный полк 3 пушки 3-х фунтового калибра «со всякими принадлежностями ... и с малыми мартирцы». Но основные поступления в полки пушек с мортирками отмечены в 1711-1712-м гг. Примерно только у половины пехотных полков, о которых удалось выявить архивные документы о наличии полковой артиллерии, были на вооружении в 1710-ые годы 3-х фунтовые пушки с двумя чугунными мортирками на лафете. О наличии в полках русской армии периода Полтавской битвы орудий с мортирками на одном лафете известны лишь единичные фрагментарные сведения. Так современному исследователю Полтавской битвы П.А.Кротову удалось подтвердить наличие мортирок на лафетах полковых пушек на период этой битвы только у одного полка – Ингерманландского драгунского, весьма привилегированного полка, подшефного самому А.Д.Меншикову. Согласно опубликованным им выдержкам из «Ведомости Ингерманландского драгунского полку артиллерии (так в тексте документа)», на вооружении артиллерийской команды Ингерманландских драгун состояли 3 трёхфунтовых пушки, и при них 4 мортирки, с боезапасом из 100 «мартирных чинёных ядер». О демонтаже с лафетов полковых пушек мортирок позволяют предполагать также ведомости расхода боеприпасов полковой артиллерии трёх российских дивизий в день Полтавской битвы. В них присутствуют только ядра и картечь для 3-фунтовых пушек, ни 6-фунтовых гранат, ни 6-фунтовых картечных зарядов нет. Правда, что отсутствие сведений о расходе 6-ти фунтовых снарядов, ещё не говорит о том, что мортирки были сняты с лафетов, из них просто могли не стрелять. Но кроме этого, есть и ещё одно свидетельство. П. А. Кротов установил, что в составе русской артиллерии незадолго до Полтавской битвы находилось «20 мортирцовчугунных 6-ти фунтовых». Причём к мортирцам плотники и кузнецы, состоявшие при артиллерии, в период с 28 мая по 4 июня изготовили 20 станков, окованных железом. После чего эти орудия, очевидно, передали в состав полковой артиллерии в пехотные полки, в одной только дивизии Л. Н. де Алларта их было 10 штук. Кротов, однако, предположил, что «мортирцы» эти были не чем иным, как 3-фунтовыми чугунными пушками со стальной насадкой на дуле, для стрельбы 6-фунтовыми гранатами. Подобные артиллерийские системы были в России, но как экспериментальные и не в таких количествах, и уж совсем не в эти годы. Уже после смерти Петра, в 1750-ые годы по проекту Бишева были изготовлены опытные образцы так называемых мортир-канон, как раз-таки подобных 3-х фунтовых медных пушек со стальными мортирками в дульной части. Предполагалось, что эти орудия будут способны успешно вести огонь всеми известными видами снарядов: ядрами и картечью, как обычные полковые пушки, а также и гранатами, как мортиры. Экспонирующаяся в Артиллерийском музее пушка атрибутированная, как разработанная Корчминым в 1706 году, по всей видимости, и есть мортир-канона Бишева, изготовленная им из старой полковой 3-х фунтовой пушки

системы Корчмина и новой стальной мортирной насадки. В 1740-м году подобную систему предлагал принять на вооружение Гетш. Его универсальное орудие «мортир-канон» было изготовлено в Санкт-Петербургском арсенале в 1740-1743 гг. На ближних дистанциях оно должно было вести огонь 2-пудовыми бомбами, а на дальних - 3-фунтовыми ядрами, сочетая в себе возможности осадной мортиры и полковой пушки. Канал ствола этого орудия был сделан двухступенчатым: начинался с бомбового котла 230-мм диаметра для стрельбы 2-пудовыми бомбами, и продолжался 76-мм пушечным каналом, который служил в качестве зарядной камеры для этой мортиры. Длина ствола этого орудия составляла 1500 мм, вес 661,7 кг. Винград был отлит в виде плоского прилива. Лафет был обычный — двухстанинный, окованный железом. Прошедшие в 1743 г. испытания этого мортир-канона показали полную его непригодность. Орудие было забраковано и передано на хранение в Санкт-Петербургский арсенал. В 1744-м году А.К. Нартов изготовил при помощи литейщика мастера Санкт-Петербургского арсенала Семёна Копьёва опытную 3-х фунтовую пушку с дульной частью расширяющейся в виде мортирного котла позволяющего вести огонь гранатами 8-ми фунтового калибра. В этом орудии Нартов впервые реализовал свою идею «из пушек вне калибра разными бомбами и ядрами стрелять», как сказано в путеводителе Артиллерийского музея. Но из-за сложности и дороговизны изготовления таких орудий эта артиллерийская система не получила распространения. Тем не менее идея создания универсального орудия не оставляла многих артиллерийских изобретателей. В 1752 г. капитан артиллерии Иван Бишев предложил принять на вооружение полевой и корабельной артиллерии целую систему из трёх мортир-канонов. По его чертежам в Санкт-Петербургском арсенале мастером С. Копьёвым в 1753 г. были отлиты три опытные мортир-канона, пушечные калибры которых были равны 12 фунтам, 18 и 24 фунтам. Орудия Бишева имели, в отличие от мортир-канон Гетша, как цапфы, так и поддон, прилитый к казённой части ствола. Испытания орудий Бишева продолжались с 1754 года по 1756 г., когда он предложил новую конструкцию полковых 3-х и 6-ти фунтовых пушек-мортир. В ходе испытаний выяснились вполне удовлетворительные баллистические свойства применения этих орудий в качестве мортир, но пушечное их использование при стрельбе картечью и ядрами существенно уступало обычным орудиям и по дальности, и по меткости стрельбы. Проблема заключалась в том, что когда ядро вылетало из пушечного канала в мортирный котёл происходило резкое падение давления пороховых газов и неравномерное их воздействие на ядро нецентрированное в мортирном котле стенками канала, из-за чего вектор начальной скорости ядра отклонялся от оси канала орудия. Кроме того, стрельба гранатами и бомбами большого калибра вызывала сильную отдачу и порчу лафетов, построенных по образцу пушечных полевых. В добавок ко всему прочему изготовление стволов такой двухступенчатой сложной изогнутой конфигурации было сложной технической задачей и требовало создание специальных станков. По этим причинам система орудий Бишева и не была принята на вооружение. В это же время начались разработки артиллерийских орудий других систем, предложенных к принятию на вооружение генерал-фельдцейхмейстером графом Шуваловым: единорогов, секретных гаубиц, и орудий, похожих по назначению на Бишевские мортир-каноны. В 1756-м году Шуваловым были предложены: 12-ти

фунтовая пушка с расширяющейся цилиндрической дульной частью, предназначенной для стрельбы 1-пудовыми бомбами, и аналогичная по конструкции 6-ти фунтовая пушка. Результаты их испытаний оказались неутешительными, но благодаря упрямству Шувалова была изготовлена опытная партия таких орудий, их даже приняли на вооружение наблюдательного корпуса, но в военных действиях мортир-каноны участия так и не приняли. 0 0 0 Эти же «мортирцычюгунные» были — обычными 6-фунтовыми короткоствольными мортирками с цилиндрической или конической зарядной камерой системы Корчмина, разработанные им для установки на лафеты 3-фунтовых полковых пушек, снятые с этих лафетов в ходе военной кампании. В пользу этого утверждения говорит и то, что вряд ли бы такие орудия, т.е. 3-х фунтовые пушки, да ещё и с дульной насадкой, как говорит Кротов были присланы в действующую армию без лафетов. Да и 6-ти фунтовые мортирки также не стали бы отправлять с Пушечного двора хотя бы без простейших станков. То, что эти 20 мортирцов не были 3-х фунтовыми пушками с насадками можно судить по тому, что артиллерийские мастера в течение недели никак не смогли бы изготовить для таких орудий, с общим весом ствола в 10 пудов, 20 лафетов с колёсами и передками. Ну не было у них для этого в полевых условиях похода к Полтаве никакой возможности. Даже для Московского Пушечного двора такое задание, при наличии качественного сухого леса, железа для оковок и пр., должно было занять несколько недель, если не месяцев. Самое простое, что можно предположить, — мастера изготовили для снятых с лафетов полковых пушек 6-фунтовых мортирок станки-треноги, давно известные не только в русской армии. На них как раз и устанавливались такие мортирки, правда, медные, предназначенные для стрельбы гранатами. Эти своеобразные прообразы миномётов состояли на вооружении гренадерских и драгунских полков. Они есть в коллекции Санкт-Петербургского музея Артиллерии, о них писал ещё в 1959 г. А. П. Барбасов. Впрочем, станки для 6-ти фунтовых мортирок могли быть не только в виде треноги, определённо можно говорить о том, что станки разных конструкций позволяли переносить данные артиллерийские орудия на руках, т.е. мортирки были переносными или «ручными». Широкое применение 6-ти фунтовых переносных мортирок не только в сухопутной армии, но и на военно-морском флоте подтверждается документально. В одном только 1709-м году из Москвы в Санкт-Петербург в Адмиралтейство было отправлено 100 «мортирцовчюгунных ручных 6-ти фунтовых, утвержденных в деревянных станках». За год до Полтавы с Московского пушечного двора были высланы «в военный поход в полевую артиллерию ... 18 мортирцов железных маленьких, гранатою 6-фунтовых», а в Санкт-Петербург ещё 50 таких орудий с боезапасом в 15 000 гранат. Всего же накануне Полтавской битвы в полевой армии должно было состоять не менее 230 железных 6-ти фунтовых мортирок. Но, сколько из них было ручных, а, сколько установлено на лафетах полковых пушек, установить пока невозможно. Многие современные исследователи считают, что артиллерийская система, составленная из 3-фунтовой пушки и двух 6-фунтовых медных мортирок на одном двухколёсном «оглобельном» лафете, была основной в русской артиллерии 1700–1709 гг. — главного этапа Северной войны. Однако это не так. Подобная артиллерийская система, точнее, совокупность 3-фунтовой пушки и двух бронзовых мортирок на

лафете-дрогах, соответствует более позднему периоду, а возможно, появилась или окончательно утвердилась вообще лишь в царствование Елизаветы, восстанавливавшей все старые традиции своего великого отца. При Петре эти орудия устанавливались отдельно: две медные мортирки на одном лафете, а 3-фунтовая пушка — на другом, на котором могли закреплять ещё и две железные мортирки на вертлюгах. Вероятно, в качестве эксперимента эти орудия ставили и на дроги, но общепринятой практикой это вряд ли стало. Согласно штату артиллерии Петра I от 1723 г. для всех полковых орудий предусматривались только двухстанинные лафеты с передками, да и «наследники» Петра I и Брюса — Миних, Гинтер, принц Гессен-Гамбургский в деле управления артиллерией не допускали применения оглобельных лафетов, к тому же в 1730 г. всю полковую артиллерию и вовсе отобрали от полков. 0 0 Для более позднего этапа, 1707–1709 гг., характерны другие образцы систем, присущие нашей отечественной артиллерии, созданные русскими артиллеристами с учётом опыта ведения боевых действий на первом этапе Северной войны. Именно их нужно попытаться воссоздать. Исходя из вышеизложенного, можно предложить реконструкцию полковой артиллерии для этого этапа войны в следующем виде: 3-фунтовая короткая пушка Корчмина на оглобельном лафете с возможными вариантами замены 3-фунтового ствола на пушечные стволы более мелкого калибра — одно- или двухфунтового; полупудовая гаубица на хоботовом лафете с набором стволов: коротким, длинным и дробовиком; воспроизвести установку стволов этих гаубиц и на оглобельный лафет по типу, созданному для 3-фунтовой пушки. Таким образом, будет отображён почти весь модельный ряд полковых орудий артиллерии русской армии эпохи Северной войны, за исключением 3-фунтовой пушки с двумя 6-фунтовыми мортирками на хоботовом лафете и аналогичной системы на оглобельном лафете. Последняя, как известно, не могла использоваться на первом этапе войны в 1700–1709 гг., события которого были определяющими для всего хода Северной войны. В эпоху Северной войны в русской армии применялись для транспортировки орудия и так называемые «дроги», т. е. лафет с оглоблями, не требующий использования передка, но вряд ли они были широко распространены. На первом этапе войны сведений об их использовании нет, они появляются только в середине первого десятилетия. Так, в августе 1706 г. Брюс велел дьяку Павлову взять в Москве на дворе у бригадира Горбова (командир будущего Пермского драгунского полка) 6 пушек и сделать к ним лафеты на двух колёсах, «и оглобли были 6 из тех же станков». Их строили в первую очередь для орудий малого калибра, т. е. одно- или двухфунтовых, и даже меньше, что подтверждает информация о поступлении в драгунский полк Горбова в 1707 г. пяти медных пушек «ядром по полуфунту», со всеми необходимыми к ним принадлежностями и боеприпасами. В этом документе лафеты не упоминаются, но легко понять, что речь здесь идёт о пушках, взятых во дворе у бригадира и поставленных на дроги. Такие артиллерийские системы получались довольно манёвренными и могли успешно сопровождать, например, драгунские полки, и не только на марше, но и на поле боя. Возможно, такая конструкция лафетов была заимствована у артиллерии саксонской армии, бок о бок с которой сражались российские войска со шведами в Речи Посполитой в 1705–1706 гг. В октябре того же 1706 г. Брюс по приказанию А. Д. Меншикова отпустил к его войскам,

находившимся в Польше вместе с «союзниками» поляками и саксонцами, девять 2-фунтовых пушек со всеми принадлежностями, «на станках и с колёсы». Были ли они на оглобельных лафетах, как пушки бригадира Горбова, точно неизвестно, но вполне вероятно, хотя и выполнены раньше горбовских. Не исключено, что Меншиков специально просил Брюса изготовить для его драгунских полков максимально облегчённые артиллерийские системы, чтобы заменить ими полупудовые гаубицы, состоявшие в полках на вооружении с 1702–1704 годов и оказавшиеся слишком тяжёлыми и неповоротливыми для манёвренной войны. Можно согласиться с предположением, высказанным Р.Паласиосом, что дроги, это так называемый "летний" лафет, т.е. на колёсном ходу орудие передвигалось в тёплое время года. С наступлением зимы и установлением постоянного снежного покрова с дрог снимался короткий лафет, на котором и закреплялся собственно орудийный ствол. Затем этот лафет монтировался на сани, и получалось орудие на "зимнем" лафете. Впоследствии такую конструкцию лафетов с оглоблями пытались применять для облегчения более крупных артиллерийских систем: 3-фунтовых, и даже шести- и 12-фунтовых пушек, а также полупудовых гаубиц. По сохранившейся описи 1730 г. старых «петровских» орудий полевой артиллерии именно полупудовые гаубицы имели оглобельные лафеты, впрочем, конструкция их была такова, что считалось — «при стрельбе ломаться будут». Хотя постпетровские артиллеристы, скорее всего, точно полагали, что из этих гаубиц будет вестись огонь гранатами, но на самом деле, как полковые орудия драгунских полков, они в основном предназначались для стрельбы картечью, а многие были вообще дробовиками, в том числе, видимо, и знаменитые Корчминские «длинные гаубицы» с конической зарядной камерой, которые некоторые наши отечественные «уропатриотические» историки склонны отнести к прообразу легендарных «единорогов». В первые годы Северной войны драгунские полки русской армии не имели вовсе полковой артиллерии. С 1702 г., по крайней мере, части драгунских полков и соединений придавались гаубицы однопудовые и полупудовые, а в дальнейшем с 1706 г. в качестве полковой артиллерии драгуны использовали пушки самых разных калибров, даже полуфунтовые. Столкнувшись во время военных действий с проблемой малой манёвренности гаубиц старых систем, их в 1704 г. заменили новыми полупудовыми гаубицами специально разработанными для полковой артиллерии - стволы были укорочены и существенно облегчены, якобы даже до 26 пудов. В дальнейшем один из образцов подобных гаубиц, имевший вес всего 22 пуда, простоял на вооружении русской артиллерии почти полвека. Созданные короткие полупудовые гаубицы оказались очень удачными, сочетая своё основное качество — лёгкость с весьма мощным картечным действием, что, безусловно, было главным для полковой артиллерии драгунских полков. Однако эти орудия имели существенные недостатки, из-за малой длины канала ствола дальность выстрела была небольшой, а траектория полёта снаряда — слишком навесной, что резко снижало эффективность огня по линейным построениям неприятеля. После потери существенной части «драгунских» гаубиц отбитых шведами в 1705 г., были предприняты попытки создания нового типа орудия, с увеличенной длиной канала ствола, что позволило бы значительно повысить его боевые возможности. Однако к этому времени гаубицы были уже практически

«сняты» с вооружения драгунских полков. Считается, что конструкция «длинной» полупудовой гаубицы была разработана в 1707 г. В. Корчминым под руководством Я. Брюса. Помимо большей длины ствола (она доходила до 10-ти калибров, по другим сведениям до 10-ти калибров доходила только длина канала ствола), новая гаубица имела ещё одну важную особенность — коническую зарядную камеру. Всё это позволило увеличить дальность и мощность стрельбы и сделать траекторию полёта снаряда (а это уже могли быть гранаты и ядра, а не только картечь), более настильной, а следовательно, более эффективной против линейных построений неприятеля. Приписывать приоритет изобретения конической зарядной камеры Брюсу или Корчмину не стоит, о ней знали ещё задолго до них. Доподлинно известно, что в 1706 г. в Киеве мастер Киево-Печерской лавры отлил по «уговору» пять однопудовых гаубиц, предназначавшихся для полевой артиллерии, причём вес стволов всего 34 пуда, а зарядная камера коническая. Но конструкция Брюса-Корчмина отличалась именно большей длиной ствола, правда, вес орудия при этом существенно увеличился, по разным источникам — либо на 10 пудов, т. е. до 36, либо даже до 44 пудов. Позднее вес длинной полупудовой гаубицы удалось снизить почти до 32 пудов, но предназначалась она уже для стрельбы в основном картечью, а не гранатами и ядрами, и получила название «дробовик» или «пушка дробовая». Именно такие орудия как нельзя лучше подходили в качестве полковой артиллерии для драгунских полков, но их не хватало, и Пётр I приказывал рассверливать старые 6-фунтовые пушки до полупудового калибра с устройством конической зарядной камеры, превращая таким образом в дробовики. Впрочем, гаубиц в артиллерии русской армии вообще было немного. Так, на Московском Пушечном дворе с 1700 г. по 1708 г. их было отлито всего 26, тогда как 3-фунтовых пушек — 329, а мортир — 305. В последующие годы гаубицы отливались и в Казани и в Киеве, хотя и в небольших количествах. В 1715 г. на вооружении всей полевой артиллерии русской армии было решено по новым штатам оставить всего 5 гаубиц, в полковой артиллерии их не оставили вовсе. Наряду с приданной артиллерией драгуны были вооружены 2-3-фунтовыми ручными мортирками. Полевая артиллерия 0 В боевых действиях на первом этапе войны в полевой артиллерии 8-фунтовая пушка почти не применялась. Петром I была принята немецкая система разделения орудий по калибрам: 3, 6, 12, 18 и 24 фунта, а 8-фунтовые пушки были из французской системы: 4, 8 и 12 фунтов. Более того, долгое время считалось, что эти орудия впервые были приняты на вооружение Петром лишь по необходимости в 1711 г., из числа ранее взятых в Митаве шведских трофеев, однако после неудачного Прутского похода они остались в русской армии и продержались ещё долгие десятилетия. По другим сведениям, ещё в 1703 г. Московский Пушечный двор получил заказ на изготовление подобных орудий. Доподлинно известно, что в августе 1707 г. Пётр приказал отлить в Москве 12 восьмифунтовых пушек по чертежам, разработанным Брюсом. К концу года орудия были готовы, но лафеты и колёса, судя по всему, были закончены только в следующем году. По крайней мере, именно с 1708 г. зафиксировано участие этих пушек в походах русской армии. Так или иначе, но достоверно то, что в первые годы Северной войны 8-фунтовых пушек не было в составе русской артиллерии. После Нарвского разгрома для полевой артиллерии заказывались пушки только калибров 3, 6 и 12, лишь впоследствии

стали использовать 8-фунтовые пушки, а в отдельных кампаниях они даже преобладали. Так, в 1709 г. под Полтавой в составе полевой артиллерии русской армии было две 12-фунтовых, 12 восьмифунтовых и 14 трёхфунтовых пушек, а шестифунтовых не было. В 1712 г. в походе под Эльбинг пушек 8-фунтовых и 6-фунтовых было поровну — по 8, ещё две 12-фунтового калибра, 23 — 3-фунтового, и одна 2-фунтового. В 1730 г. на вооружении русской полевой артиллерии оставались старые петровские пушки: 12-фунтовых — 3; 8-фунтовых — 12; 6-фунтовых и 3-фунтовых по 6. В полевой артиллерии, как и в полковой, постоянно предпринимались попытки усовершенствовать конструкцию орудий, и в первую очередь их облегчить. В начале 1706 г. Пётр поручил Брюсу изготовить «тонким размером» стволы 12-фунтовых и 6-фунтовых пушек, «понеже при нас» находящиеся были «гораздо тяжелы». Длина первых должна была составить 25 калибров, а вторых — 30. 1 марта 1706 г. Брюсу докладывали из Московского Пушечного двора, что получен царский указ об отливке по 12 штук 6-фунтовых и 12-фунтовых пушек по вновь присланным чертежам. Уже в апреле 11 12-фунтовых и 10 шестифунтовых пушек «нового литья» были отправлены из Москвы в Смоленск, а оттуда водным путём в Киев. Вес стволов был разный, у 12-фунтовых пушек — 100, 101, 102 и 105 пудов, у 6-фунтовых — 60, 61, 63 и 65 пудов. Таким образом, не подтверждаются заявления многих историков (Ратч, Хмыров, Беляев и др.) о том, что уже в 1706 г. удалось снизить вес полевых орудий: для 12-фунтовых пушек на 30 пудов, доведя его до 79 пудов, а для 6-фунтовых — до 30 пудов вместо 56. Правда в то время в России проводилось столько экспериментов с артиллерией, что перечислить все невозможно. Например, были попытки рассверливались стволы до больших калибров, т. е. 3-фунтовые до 6-фунтового, а 6-фунтовые — до 8-ми или 12-фунтового. Но это были всего лишь эксперименты. В это время Брюс занимался и усовершенствованием лафета, особенно колёс, на которые больше всего было нареканий. Разработали три типа колёс, для 12-ти, 6-ти и 3-фунтовых пушек, и отныне они должны были соответствовать только этому стандарту. Изготавливались «косятчетые» или «косящетые» «задние» колёса, и «передние», т. е. для передков или особого вида четырёхколёсных лафетов, скорострельные зарядные ящики для перевозки уже снаряжённых орудийных картузов (их одобрил и даже принял участие в разработке лично Пётр в середине 1708 г., а к концу года уже 50 новых ящиков были отправлены в армию), а также артиллерийские палубы, роспуски и прочие повозки, артиллерийские принадлежности, шанцевый инструмент и многое другое. Своего рода унификация была вполне нормальным процессом, тем более что и стволы и лафеты орудий одного калибра петровской артиллерии сильно отличались друг от друга и по габаритам и по весу. Из той же описи старых петровских орудий 1730 г. следует, что шесть из 12-ти стволов 8-фунтовых пушек «короче остальных», недостаточную длину имели и четыре из шести стволов 6-фунтовых пушек. Их лафеты тоже не отличались единообразием: у 8-фунтовых «все сделаны не по пропорции и большая часть коротки», а у 6-ти фунтовых — «один кос, другой короток».

Воинский устав Петра I

10 апреля 1716 года русский царь утвердил документ, определивший военное дело и уголовное делопроизводство в России

Роль [Петра Первого](#) как крупнейшего реформатора России давным-давно очевидна. И столь же очевидны его заслуги в создании новой русской армии, быстро ставшей одной из самых грозных военных сил в Европе XVIII века. В том, что царю-реформатору удалось так быстро добиться перестройки отечественной военной сферы, существенную роль сыграл разработанный им новый воинский устав. Он закрепил и оформил те изменения, которые претерпела русская армия к тому времени, и в значительной степени определил ее будущее на следующие полвека. А подписан этот документ Петром I был 10 апреля (30 марта по ст. ст.) 1716 года в Данциге, куда он в начале года отправился, чтобы присутствовать на свадьбе своей племянницы Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбургским.

Шмуцитул издания «Устава Воинского» 1737 года, вышедшего, как и первое издание, на двух языках — русском и немецком.

300 лет армии. Как Петр I создал Воинский устав

После петровской эпохи Воинский устав обновлялся крайне редко.

30 марта 1716 года Петр I учредил Воинский устав – военно-правовой документ, в котором излагались общие положения и правила функционирования войск. Именно эта дата также считается днем рождения регулярной армии в России. Над созданием документа царь работал несколько лет. В результате в устав вошли указы Петра в области нового ведения боевых действий, комплектования и организации армии и флота.

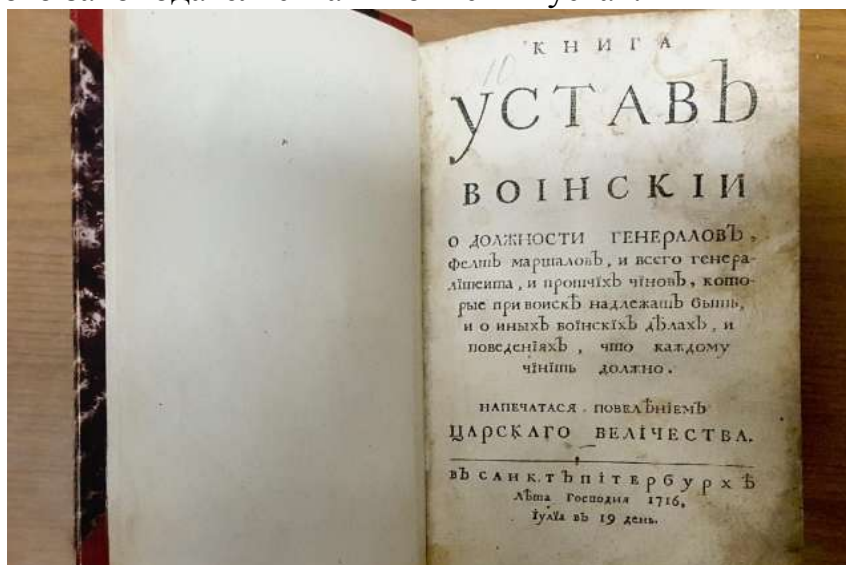

После петровской эпохи Воинский устав обновлялся крайне редко.

Служба без правил

Попытки регламентировать военное дело в России предпринимались еще в XVI столетии, правда, были безуспешными. Например, в 1571 году по приказу Ивана Грозного был разработан Боярский приговор о станичной и сторожевой службе. Этот документ был полностью посвящен только лишь охране границы государства. Спустя несколько десятилетий свой устав издал Василий Шуйский. На страницах положения были описаны методы ведения войны с помощью нового вида оружия – артиллерии. Практически весь документ являлся обыкновенным переводом книги немецкого барона. Таким образом, к концу XVII столетия в России так и не появилось единого свода правил для военных.

Все изменилось с приходом к власти Петра I. Царь трудился над уставом в течение нескольких лет, и в этом ему помогали военные. В 1690-ых годах Петр отправил генерала Адама Вейде в Венгрию, чтобы тот понаблюдал за военной организацией в европейской стране. Сам же царь вместе с надзирателем артиллерии Андреем Виниусом и государственным деятелем Яковом Брюсом разрабатывал устав, находясь в России и изучая военные документы других государств. Итогом этой работы 30 марта 1716 года стало то, что Петр I утвердил главный документ военного законодательства – Воинский устав.

Полноценный Воинский устав был составлен при Петре I.

За взяточничество – смертная казнь

Воинский устав Петра I состоял из военного устава в 68 глав и трех приложений к нему – «Артикула воинского», «Краткого изображения процесса или судебных тяжб» и «Об экзерциции». Документ затрагивал как организационную, так и боевую сторону функционирования войск. Кроме того, Воинский устав стал главным документом для решения дел в общем судопроизводстве. В его основной части были описаны права и обязанности высших военных чинов, положения о повседневной службе – устройстве лазаретов, довольствия армия, почты, караулам – а также об организации армии. Так, по уставу, полк состоял из восьми рот, несколько полков составляли бригаду, а несколько бригад объединялись в дивизию. Дивизии же составляли армию численностью от 10 до 100 тысяч человек.

Устав состоял из основной части и трех приложений.

В приложениях к Воинскому уставу содержались сведения об устройстве судов и рассмотрении дел, воинской дисциплине и нормах уголовного права. Законодательство, установленное Петром I, стало настоящим прорывом в правовой области.

Согласно Петровскому уставу, уголовному наказанию подвергался только виновный человек, чья ответственность за преступление была доказана в суде. До этого в России действовал принцип круговой поруки: если найти виновного не получалось в течение долгого времени, за кражу или убийство отвечали все жители местности, где было совершено преступление.

Впервые в Воинском уставе 1716 года определялись факторы, смягчающие или отягчающие наказание. Если человек действовал умышленно, его наказание ужесточалось, а если, например, беззаконие совершал несовершеннолетний – умалялось. Такой закон перешел из петровской эпохи в настоящее время и действует по сей день.

В уставе регламентировались все вопросы, касающиеся армии.

Одним из основных новшеств в уставе Петра стало то, что на первом месте оказалась не нравственная или религиозная суть преступлений, а неповиновение воле государства.

В Военском уставе появились наказания за преступления, которые до этого никак не регламентировались: мародерство, несоблюдение субординации, порча или продажа обмундирования, дезертирство. Кроме того, царь приказал ужесточить все наказания, чтобы у народа, который увидел бы мучения преступников, не было бы даже мысли о совершении преступлений.

Например, за самовольную капитуляцию с поля боя предусматривалась децимация – казнь каждого десятого по жребию. За богохульство, брань императора или генерала, убийство или за взяточничество виновный подлежал смертной казни. Дезертиров отправляли на галеры, за принесение лжеприсяги отрубали пальцы, а за воровство били батогами и отправляли в тюрьму.

Для высокопоставленных чинов самой страшной карой считалось наказание чести: их объявляли «шельмом», высылали из государства или преломляли шпагу преступника. В целом Военский устав Петра I был направлен на повышение дисциплины в армии и воспитание боевого духа и чувства патриотизма у солдат.

Учреждение Военского устава считается днем рождения регулярной армии в России.

Система уставов

После петровской эпохи Военский устав обновлялся крайне редко. Существенное изменение в документ внес император Павел I, который ввел принцип вечности знамен. Именно с того времени, 1796 года, Знамя воинской части стало настоящей святыней, которой оно считается и в настоящее время. Гораздо динамичней процесс обновления военных правил пошел в XX веке, когда устав переиздавался несколько раз после революции, гражданской и Великой Отечественной войны.

Трансформация законов и расширение армии привело к тому, что в настоящее время для поддержания боевой готовности и дисциплины армии в России действует целая система уставов, которая включает в себя дисциплинарный, корабельный и

строевой, а также уставы внутренней, гарнизонной, караульной и комендантской службы. Кроме того, существует ряд боевых уставов – документов, определяющих цели, задачи и способы применения разных видов вооруженных сил во время боевых действий.

На выставке в РНБ посетители узнают об обмундировании и вооружении военных.

30 марта, в день 300-летия Воинского устава и регулярной российской армии, в Российской национальной библиотеке открывается выставка «...Почитать и исполнять равно», в рамках которой будет рассказана история становления воинских уставов в России. Также посетители увидят тот самый Петровский устав и узнают о вооружении и обмундировании войск. **«Дабы всякой чин знал свою должность»**

С 1716 года «Устав воинский» Петра Первого неоднократно переиздавался, но всякий раз он сохранял вступительную часть, которая очень многое определяет в истории этого документа. В «Полном собрании законов Российской империи» этот документ тоже присутствует и начинается он следующими словами:

«Божией милостью мы, Петр Первый, царь и самодержец всероссийский, и проч., и проч., и проч. Понеже всем известно, коим образом отец наш, блаженный и вечнодостоинный памяти, в 1647 году начал регулярное войско употреблять, и устав воинский издан был. И тако войско в таком добром порядке учреждено было, что славныя дела в Польше показаны, и едва не все Польское королевство завоевано было. Также купно и с шведами война ведена была. Но потом оно не токмо умножено при растущем в науках свете, но и едва не весьма оставлено; и тако что последовало потом? не токмо с регулярными народами, но и с варварами, что ни против кого стоять не могли <...> И тако всяк может разсудить, что ни от чего инаго то последовало, токмо от доброго порядка: ибо всебезпорядочный варварской обычай смеху есть достойный, и никакого добра из онаго ожидать возможно. Того ради, будучи при сем деле самовидцы обоим, за благо изобрели сию книгу Воинский Устав учинить, дабы всякой чин знал свою должность, и обязан был своим званием, и неведением не отговаривался; еже чрез собственный наш труд собрано и умножено. Совершено же в Данциге 1716 году, марта в 30 день».

Портрет Петра I кисти Поля Делароша, 1838 г.

Петровское предисловие откровенно и точно определяет многие беды, с которым столкнулась русская армия на рубеже XVII-XVIII веков, в том числе и в начале его собственного правления. Собранная из полков «старого» и «нового» строя, которые плохо взаимодействовали между собой, она оказалась малоэффективной и неустойчивой в бою в значительной степени из-за отсутствия внутреннего стержня, которым для любых вооруженных сил является устав. И когда у Петра I выдалась такая возможность, он собственноручно взялся за создание такого стержня русской армии.

«Свод из лучших законов»

Одним из самых внимательных исследователей петровских военных реформ был знаменитый русский военный юрист и историк, генерал от инфантерии Павел Бобровский. В своей монографии «Петр Великий как военный законодатель» исследователь отмечает, что «многие думали, что военные законы Петра, на которых воспитывалась долгое время образованная им регулярная армия, трудами которой создано политическое могущество и положение России в ряду великих держав, есть простое заимствование немецких законов и что за оригинал «Устава Воинского» следует принимать тот немецкий текст, который напечатан в «Полном собрании законов Российской империи». Между тем... «Устав Воинский» в своих составных частях не составляет простого перевода какого-нибудь иностранного кодекса, а есть глубоко и зрело обдуманый свод из лучших законов конца XVII и начала XVIII столетия, соображенный с условиями быта регулярной армии и с особенностями характера русского народа в данную эпоху». Кстати, это существенно отличает его от упоминающегося в предисловии устава царя [Алексея Михайловича](#) 1647 года, известного под названием «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей Московского государства». Этот устав представлял собой фактически дословный перевод с немецкого и годился в основном для полков «нового строя», тогда как остальная часть русской армии того времени не могла действовать по его нормам.

Неудачные Азовские походы Петра стали одной из причин создания им нового устава для новой русской армии. Репродукция картины «Сражение под Азовом 21 мая 1696 года», находившейся в музее Морского корпуса.

Как отмечает Павел Бобровский, работу над «Уставом Воинским», который позднее получил полное наименование «Книга Устав воинский о должности генералов, фельтмаршалов, и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежит быть, и о иных воинских делах, и поведениях, что каждому чинить должно», царь Петр Алексеевич начал в апреле 1712 года. В основу книги легли материалы, собранные и большей частью обработанные самим Петром Первым: это очень ясно свидетельствует о том, какое колоссальное значение царь придавал новому воинскому уставу. Петр каждый день посвящал по несколько часов приведению в единую систему собранных и аккумулированных в его рабочем кабинете материалов. Но очень скоро эта работа была прервана начавшейся Русско-турецкой войной, и к новому уставу царь вернулся только осенью 1715 года. «Зимой рукопись рассмотрена в Сенате и переписана набело, — пишет Бобровский, — в марте 1716 года отослана из Петербурга в Данциг <...> Здесь рукопись была закончена одной главою (68-ю), подписана Петром 30-го марта... и отослана в Петербург, при указе Сенату 10 апреля, для напечатания».

Кто трудился над «Уставом Воинским»?

Конечно, на взгляд современников, привыкших к лаконичности и точности военных уставов, петровский «Устав Воинский» грешит многословием и запутанными формулировками. Но нужно понимать, что для своего времени это был передовой устав, вобравший в себя лучшие положения из европейских уставов. Среди источников, на которые опирался Петр, называют и воинские уставы Священной Римской империи, шведские военно-уголовные законы, голландские и бранденбургские артикулы. Роды и виды наказаний, которые тоже описаны в петровском воинском уставе, по мнению Павла Бобровского, во многом опираются на датские военные инструкции судам Христиана V, но при этом носят явные следы того, что над ними Петр I работал лично.

Фельдмаршал граф Борис Шереметев во время осады Риги, 1710 год. Портрет кисти художника Карла Шурманна.

Впрочем, осилить весь объем работы по подготовке нового русского воинского устава даже энергичному царю-самодержцу вряд ли было под силу. Известно, что свои предложения для устава Петру Алексеевичу передавали многие его сподвижники, в том числе знаменитый Яков Брюс. Другой петровский соратник еще по «потешным полкам» и [Азовским походам](#), генерал Адам Вейде, еще в 1698 году по результатам своей поездки в Венгрию написал книгу «Воинский устав», которую посвятил Петру и в которой было сказано, «как содерживаться, такожды и статьи или артикулы, какое кому наказание за вины». Эстафету в 1701 году подхватил надзиратель артиллерии Андрей Вinius, которому Петр поручил исследование и составление краткой выжимки из существующих западноевропейских военных и военно-уголовных уставов.

Полученные сведения легли в основу двух ранних документов, над которыми работали другие соратники Петра и которые можно рассматривать как предтечи петровского «Устава Воинского». В начале XVIII века, между 1701-м и 1705 годами, граф Шереметьев по распоряжению Петра Первого составил «Уложение или право воинского поведения генералов средних и меньших чинов и рядовых солдат» для своих войск, которые в то время действовали в Прибалтике. А в 1706 году князь Александр Меншиков создал свой военно-уголовный кодекс, называвшийся «Артикул краткий, выбранный из древних христианских воинских прав, иже о богобоязни и о наказании разных злодеев».

Князь Александр Меншиков. Портрет работы неизвестного художника, 1716-1720 гг.

Так что у будущего первого российского императора было достаточно исходных материалов для того, чтобы собственноручно заняться обработкой этого сырья и довести дело до создания «Устава Воинского». Который, кстати, неоднократно переиздавался при жизни и после смерти Петра Великого и служил основным документом, регламентирующим содержание, организацию и руководство армией вплоть до XIX столетия.

Предтеча общевоинских уставов России

Структура петровского «Устава Воинского» была довольно простой. 68 статей первой части устава регламентировали все стороны армейского быта: от того, каков состав полка (восемь рот), какие бывают дивизии и для чего нужны великая и малая армии, до списка воинских званий и обязанностей высших и старших офицеров, от организации медицинской помощи в войсках до караулов и устройства лагеря, и даже о том, в какое время отправлять войску молитву и какие порции, и рационы бывают «в чужой земле, а в своей только рационы давать надлежит». Вторая часть, называвшаяся «Артикул воинский» (кстати, этот документ появился на свет в 1715 году), касался всего, что сегодня относится к сфере государственного и военного уголовного и уголовно-процессуального права. Здесь оговаривались преступления и предусматривались виды наказания за каждое из них, содержались положения, касающиеся внутренней службы и воинской дисциплины. А третья часть, которая носила название «Об экзерциции», касалась строевой службы, обучения новобранцев и обязанностей полковых чинов.

Фузилер лейб-гвардии Преображенского полка, 1700-1720 гг.

Фактически воинский устав Петра Первого содержал в себе все нормы, которые сегодня распределены по четырем общевоинским уставам Вооруженных сил России: строевому, уставу внутренней службы, уставу гарнизонной и караульной службы и дисциплинарному уставу. Но есть и существенная разница между этими документами, которые разделяют три столетия. Петровский «Устав Воинский» стал основой не только для построения и организации новой русской армии, но и для реформы всей отечественной системы уголовного права. Более того, он впервые за несколько столетий стал определять понятие вины как отступления от норм взаимоотношений поданного с государством, а не этических или религиозных норм.

С этой точки зрения «Устав Воинский» Петра I можно рассматривать и как один из первых русских уголовных и уголовно-процессуальных кодексов, благодаря которым Россия вошла в число стран с передовыми юридическими нормами. Неслучайно сам Петр повелел воинский устав разослать по всем губерниям и канцеляриям, а не только в войска и войсковые органы управления. Фактически многие нормы петровского устава определяли российскую уголовную и уголовно-правовую систему вплоть до конца XIX века, пока течение времени не состарило их.

Офицер Семеновского полка в 1700-1720 годах.

